

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

NAMES AS INCOMPLETE DESCRIPTIONS

Ivan Rygaev

Institute for Information Transmission Problems, Moscow

irygaev@gmail.com

[Geurts 1997] proposed a presuppositional account of proper names, arguing that names are synonymous with descriptions of the form ‘the individual named N’. Thus, they are not rigid designators as [Kripke, 1972] suggested. In many respects, semantic and syntactic behavior of names is the same as that of descriptions. In particular, Geurts shows that names have bound-variable uses:

(1) If a child is christened Bambi, then Disney will sue Bambi’s parents

What he leaves unexplained though is the apparent difference between names and descriptions as illustrated by the following examples:

(2) The president might not have been the president

(3) Mary might not have been Mary

While (2) is true (it is easy to imagine a possible world where the actual president took a different carrier), (3) is false (it is hardly possible for Mary not to be herself).

From this, one could conclude that a) proper names are unlike definite descriptions and b) proper names are rigid designators, i. e. they denote the same individual in all possible worlds (where it exists).

However, consider:

(4) The teacher might not have been the teacher

Although (4) contains a definite description just like (2), it groups with (3) in its truth-value. Intuitively (4) says that the teacher might not have been *herself*, just like (3). The contrast is explained by the fact that in (2) the description is used *predicatively*, while in (4) it is the *referring* use.

Definite descriptions allow the predicative use when they carry a presupposition of uniqueness, which Ramachandran states in the following terms: “*Had things been slightly different, there might have been an F (in the circumstances), but no more than one*” [Ramachandran, 2008, p. 251].

So-called incomplete descriptions (‘the teacher’) normally do not carry a presupposition of uniqueness and cannot be used predicatively. A corresponding indefinite description should be used instead¹. The same holds for proper names as

¹ In fact, as [Ramachandran, 2008] points out, incomplete descriptions can be used predicatively but in a special context. And names can too. In an appropriate context (3) and (4) could come out true e. g. with the meaning (correspondingly) “The actress playing Mary might have been given another role” and “The teacher might not have worked as the only teacher in our school”.

well, with the only difference that names do not have an indefinite form and need to be paraphrased for the predicative use:

(5) The teacher might not have been a teacher

(6) Mary might not have been called Mary

Note that complete descriptions ('the president', 'the best student', 'the fifth floor') do not transform well into indefinites. They are used predicatively without change, which can lead to a confusion in their analysis.

[Maier 2009] provides another example of the contrast between proper names and their synonymous descriptions:

(7) Mary is called Mary

(8) The person called Mary is called Mary

While (7) expresses a contingent proposition, (8) seems to be a tautology. Maier employs complicated machinery to defend the rigidity of proper names. By his analysis (8) receives the following interpretation:

(9) Someone is called Mary

This is not quite a tautology and contradicts my intuition. Even though (9) is more or less obviously true, (10) is likely false. Yet (11) produces the same tautological impression as (8).

(10) Someone is called JS-15

(11) The person called JS-15 is called JS-15.

Maier cautiously states that (8) expresses a tautology "*at least on one salient reading*" [Maier 2009, p. 257], implying that there are other non-tautological readings of the sentence. Indeed, if we take (8) to be about a specific individual, it expresses the same contingency as (7). Therefore, the tautological reading arises again out of non-referring use of the definite description. Now it is the *generic* use to be blamed.

(12) The tiger has stripes

(12) says that tigers generally have stripes. Similarly, (8) in its generic reading says that people called Mary are generally called Mary, which is quite close to a tautology.

Why does not then (7) have such a reading? Geurts admits that proper names can be used generically:

(13) Coca Cola was invented by an American

It is true that Maries do not form a homogenous class, so it does not make much sense to talk about genus of Maries or a typical Mary. This fact certainly impedes the generic interpretation. But why is then (8) felicitous? It talks exactly about this class.

I think the answer lies in the realm of pragmatics and Gricean implicatures [Grice 1975]. Normally when we use someone's name, the hearer assumes that we are familiar with the person we are talking about. If the speaker uses the marked phrase 'the person called Mary' instead of 'Mary', the hearer concludes that they

must be not familiar with the person. But the possibility that it is some specific person unknown to the speaker is also ruled out because otherwise they would use the indefinite article. Thus, the only possible interpretation is the generic one.

Note that an analogous sentence with an incomplete description has both readings: contingent referring and tautological generic:

(14) The teacher is a teacher

So far, we have shown that proper names and incomplete definite descriptions are very similar. But where does the impression of rigidity come from?

To test whether a name is rigid we have to postulate a counterfactual situation [Bazzoni, 2018] and assess whether in that situation the name will preserve its reference. For example:

(15) If Mary were called Gertrude, Mary would be happy.

Here 'Mary' shows rigidity. The second mention of 'Mary' refers to the same actual Mary as the first one. It is not surprising. Our fictional world does not provide other potential referents for 'Mary'. The real test for rigidity comes when we postulate a world in which there exist alternative individuals named Mary.

(16) If Mary were called Gertrude and had a friend called Mary, Mary would be happy.

In (16) the last mention of 'Mary' is ambiguous between the actual Mary and her fictional friend. Hence, it is not rigid.

One can object that 'Mary' is just a homonymous word. But to which particular individual does the second homonym of 'Mary' could refer? The counterfactual situation corresponds to a set of possible worlds, each containing potentially different person as the hypothetical Mary's friend. Does that homonym refer to the whole set of those individuals? If so, it is not rigid either.

In addition, a similar example can be constructed with the incomplete description. Should we conclude that 'the teacher' in (17) is homonymous and rigid? I would not say so.

(17) If the teacher were a pupil and took lessons from another teacher, the teacher would be happy.

The conclusion is that the apparent contrast between proper names and definite descriptions has a natural explanation in terms of predicative or generic use of descriptions. The impression of rigidity (applicable to both names and incomplete descriptions) arises when the counterfactual situation lacks other individuals satisfying the description. In the presence of such individuals, the impression of rigidity vanishes.

References

Bazzoni, A. (2018) Water is not H₂O: The fluidity of natural kind terms. *2nd HSE Semantics & Pragmatics Workshop*.

Geurts, B. (1997). Good news about the description theory of names. *Journal of semantics*. Vol.14. No. 4. Pp. 319–348.

- Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In *Speech acts*. Brill. Pp. 41–58.
- Kripke, S. A. (1972). Naming and necessity. In *Semantics of natural language*. Springer, Dordrecht. Pp. 253–355.
- Maier, E. (2009). Proper names and indexicals trigger rigid presuppositions. *Journal of semantics*. Vol. 26. No. 3. Pp. 253–315.
- Ramachandran, M. (2008). Descriptions and presuppositions: Strawson vs. Russel. *South African Journal of Philosophy*. Vol. 27. No. 3. Pp. 242–257.

ПРОБЛЕМА ИЗОЛИРОВАННЫХ УБЕЖДЕНИЙ В КОГЕРЕНТНОЙ ТЕОРИИ ОБОСНОВАНИЯ ЗНАНИЯ

Н. Л. Арзуманян

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
nelly_arzumanyan@mail.ru

Вопрос о структуре убеждений важен для эпистемологии, поскольку понимание структуры обоснования позволяет увидеть то, на каких основаниях мы принимаем то или иное убеждение.

Широко известно, что долгое время в философии был доминирующим подход фаундализма – теории, согласно которой существуют базовые убеждения, которые

1. Не выводятся из других убеждений;
2. Свое обоснование получают благодаря недоксастическому источнику, например, из восприятия или интроспекции, из априорных форм [Steup, 1998, p. 92].

Однако эта теория принимается не всеми эпистемологами и является критикуемой из-за невозможности установить, почему мы утверждаем какие-то убеждения как базовые и почему именно они обосновывают остальные убеждения. С точки зрения противоположной фаундализму когерентной теории необходимо вовсе отказаться от структуры фаундализма и заменить ее на системный подход. Когерентизм предлагает отвергнуть наличие базовых убеждений.

В когерентизме возникают проблемы

- *замкнутости*. Если мы представляем обоснование, как линейную структуру, тогда безусловно неизбежен замкнутый круг убеждений, и это ведет к невозможности ни эмпирического обоснования, ни эмпирического знания.

- *связанности*. Потому как обоснование последовательно передается от одного убеждения к другому с помощью логического вывода, такой взгляд на обоснование порождает проблему регресса.

- *изолированности*. Именно из-за универсализации принципа обязательной когерентности всех элементов системы возникает изолированность системы убеждений от любых новых убеждений, не входящих в имеющую систему, а также не учитываются недоксастические факторы влияния, поэтому одно из главных возражений когерентизму такое, что оно изолирует систему убеждений от мира.

Исходя из этого, в нашем исследовании делается попытка преодоления проблемы изолированных убеждений с точки зрения дополнительной поддержки когерентизма в обосновании знания. Вместе с тем предлагается некая компромиссная позиция: признается необходимость базовых убеждений, а также необходимость ослабления строгой логической связи

между убеждениями, дабы не возникало противоречия между замкнутой, статичной системой убеждений субъекта и меняющимся миром.

Если брать за основу философские работы и отстаиваемые концепции, то К. Лере и Л. Бонжур – основные представители когерентизма – придерживаются несколько различных подходов. Общим звеном в их теориях является поддержка эпистемологического интернализма, которая с необходимостью сосуществует со структурным когерентизмом. А отличие теорий в том, что К. Лере вводит понятие *принятие* в теорию обоснования в когерентизме, которое означает, что субъект принимает, что p в определенный момент t [Lehrer, 1990, pp. 113–117]. Подход К. Лере предполагает создание различных обоснованных систем убеждений у разных субъектов, что означает несоизмеримость этих систем в итоге, поскольку у каждого такого субъекта обоснование своей системы будет строиться по-своему. Однако, невозможно, чтобы каждая такая система являлась обоснованной.

Напротив, Л. Бонжур соединяет концепцию априорного знания и рационализма, где при получении новых данных из внешнего мира мы сможем выносить лишь приблизительно истинностные утверждения, поскольку такая приблизительность позволит сохранять когерентность системы при поступлении новых данных [BonJour, 1985, pp. 191–207].

Приведем пример, наглядно демонстрирующий стандартное когерентное обоснование, приводящее к типичной ошибке изолированности, а также предложим ее разрешение. М. Штойп [Steup, 1998, p. 133] приводит в пример гипотетическую ситуацию, когда вы в некотором мире W приходите в зоопарк в поле вашего зрения в одном из вольеров видите двух трубокозубов. Вы выносите соответствующее суждение, которое согласуется с вашей системой M . Если мы далее вводим некоторый новый мир W^* , где перед вами уже три трубокозуба, то у нас отличаются мир W и мир W^* , а система убеждений M также когерентна в обоих мирах. Соответственно, согласно когерентизму, вы одинаково обоснованы, считая, что в вольере два трубокозуба, что в мире W , что в мире W^* . Однако, ваш перцептивный опыт говорит, что в мире W^* не два, а три трубокозуба, поэтому изначальное суждение не представляется обоснованным.

Для разрешения этой проблемы когерентист был бы вынужден совершить переход от W к W^* в тот момент, когда в вольере из укромного угла покажется третий трубокозуб. Но если вы всё еще убеждены, что в вольере только два трубокозуба, то в таком случае пропадает связь между убеждением и непосредственным восприятием, поэтому убеждение является необоснованным. Соответственно, если, согласно когерентизму, несмотря на изменившуюся картину мира, суждение субъекта остается неизменным, то система убеждений субъекта оторвана от мира. Если же строгий когерентист допустит изменение убеждения под влиянием перцептивного опыта, то целостность системы убеждений неизбежно будет нарушена.

Когерентизм, однако, охотнее принимается эпистемологами в противовес фаундализму, т. к. именно когерентизм делает упор на значимости

связности убеждений для обоснования (когда со всех сторон поддерживается убеждение, с помощью согласованности и непротиворечивости наших убеждений). Поэтому, на наш взгляд, наиболее выгодна позиция, когда обоснование происходит по нескольким независимым источникам, таким как слух, зрение и т. д.

Литература

BonJour, L. (1985). *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Lehrer, K. (1990). *Theory of Knowledge*. Westview Press, Inc.

Steup, M. (1998). *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Prentice-Hall.

МЕТАМЕТАФИЗИКА АБСТРАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ: СУЩЕСТВОВАТЬ ЗНАЧИТ БЫТЬ КАУЗАЛЬНО ЭФФЕКТИВНЫМ?

В. В. Бурьян

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

burian.veronika@gmail.com

Г. В. Черкасов

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

gech.cherkasov@gmail.com

В философской литературе существуют и давно стали институциональными такие дистинкции, как идея – вещь, универсалия – партикулярия, абстрактный – конкретный объект, реализм (платонизм) – номинализм. Сведение этих различий друг к другу, а также ассоциативная связь этих дистинкций с великими философскими дискуссиями прошлого зачастую не помогает раскрыть смысл понятий, а запутывает. Идеи Платона являются движущей силой возникновения вещей и причинности. Таким образом, они выступают в качестве причин всего возникающего и уничтожающегося [Taylor, 1969]. Абстрактные объекты, напротив, каузально неэффективны. То есть они не могут стать причиной возникновения или изменения пространственно-временных объектов.

Дискурс об универсалиях, разумеется, основывается на самом известном споре схоластических философов X–XIV вв. В XX в. вопрос об универсалиях был реинкарнирован и получил новый окрас благодаря введению различия между абстрактными и конкретными объектами. Это разделение вошло в аппарат аналитической философии в основном благодаря работам Карнапа и Куайна [Kunne, 1983]. В 80-е годы обсуждение абстрактных объектов переросло в интеллектуальное противостояние между сторонниками платонизма (Криспен Райт, Боб Хейл, Эдвард Залта) и номинализма (Куайн, Гудман, Филд, Балагуэр, Розен, Берджес).

В XX веке термин «номинализм» стал активно употребляться после работы Куайна [Goodman and Quine, 1947]. Конечно, в отношении этого термина сложно избежать ассоциаций со схоластикой. Тем не менее, это сходство условно: хотя универсалии и абстрактные объекты могут рассматриваться как синонимы, в то же время эти понятия могут различаться и иметь разный объем. Классический пример – австралийский философ Дэвид Армстронг, который принимает существование универсалий, и в этом смысле является реалистом, однако отрицает существование абстрактных объектов, и в этом смысле является номиналистом. Таким образом, следует различать традиционный смысл понятия номинализма от того, которое появилось в XX веке. Под первым имеется в виду утверждение о том, что универсалий не

существует, а под вторым, соответственно, что не существует абстрактных объектов.

Когда философ спрашивает «существуют ли числа?», он задает онтологический вопрос. Принято считать, что онтологический вопрос эквивалентен кванторному ‘ $\exists x F(x)$ ’. Идея сведения онтологического вопроса к кванторному принадлежит Куайну [Quine, 1948]. Кит Файн указывает [Fine, 2009, p.161], что Куайн допускает двойную ошибку: сначала он задает научный (нефилософский) вопрос, а потом отвечает на него исходя из философских соображений. В зависимости от того, как мы ставим вопрос, он может быть (1) философским (нетривиальным) или (2) нефилософским (тривиальным), и две эти формы вопроса находятся на расстоянии онтологической пропасти между внутренним и внешним (по отношению к каркасу). Сравните, например: (1) Существуют ли числа? Существуют ли стулья? и (2) Существует ли простое число, большее 8 и меньше 12? Есть ли стул в этой комнате?

При этом под (2) обычно подразумевается ограниченный квантор. То есть если мы спрашиваем «существует ли простое число, которое больше 8 и меньше 12», область пробега переменных – математические объекты. А если мы спрашиваем «есть ли стул в этой комнате?», переменные пробегают по физическим (конкретным) объектам. Таким образом, можно вывести две трактовки существования. (1) *Существует F* означает: существует как минимум один объект, обладающий свойством *F*: ‘ $\exists x F(x)$ ’; (2) *Существует P* означает: любой объект, который обладает свойством *P*, существует. Второе можно выразить с помощью идей Майнонга в свободной логике:

‘ $\Pi x (P(x) \supset \exists y (x = y))$ ’, где Π – квантор общности, для которого область пробега переменных включает все предметы, как существующие, так и несуществующие. Предметная область Π включает в себя предметную область \forall .

Обычно о существовании абстрактных объектов рассуждают следующим образом. Абстрактные объекты – каузально инертные нефизические нементальные сущности. Если для номинализма количество абстрактных объектов в точности равно 0, то для платонизма верно, что существует как минимум один абстрактный объект. Такая логика может привести к размытому представлению о номинализме и платонизме. Постулируя неустрашимость математики из естествознания, Куайн и Патнэм становятся вынужденными платонистами. А «создатель модального реализма» Льюис оказывается методологическим номиналистом. Принципиально важно делать акцент не на специфике и свойствах рассматриваемых объектов, а на том, имеем ли мы в виду под существованием *F* (1) онтологическое обязательство перед *F*-ами или (2) утверждение, что *F*-ы существуют. Для (1) наиболее онтологически сильной (нагруженной) позицией становится платонизм, для (2) – номинализм.

Когда Залта утверждает, что есть такие несуществующие объекты, как числа, неэкземплифицированные свойства, круглый квадрат и т. д., он не

спорит с номиналистами о том, что такие несуществующие объекты, как числа, являются каузально эффективными. С точки зрения номиналистов, Залта постулирует существование как минимум одного абстрактного объекта, тем самым его позиция становится более онтологически нагруженной. С точки зрения платонистов, реализм Залты означает, что любой объект, обладающий свойством *P*, существует, причем неважно, абстрактный это объект или нет.

Критерии различия абстрактных и конкретных объектов достаточно конвенциональны и принимаются большинством философов с теми или иными оговорками. Абстрактные объекты – это (1) не расположенные в пространстве и времени (2) каузально инертные (неэффективные) сущности. Архетипический пример таких объектов – числа (множества) и функции. Им противопоставляются конкретные объекты – ментальные или физические, которые каузально эффективны. При вопросе об онтологическом статусе абстрактных объектов следует обращать внимание не только на критерий каузальной эффективности, но и на то, как мы ставим вопрос о существовании и какую трактовку существования выбираем.

Литература

Burgess, J. P., Rosen, G. (1997). *A Subject with No Object: Strategies for Nominalistic Interpretation of Mathematics*. Oxford: Oxford University Press.

Field, H. H. (1980). *Science Without Numbers: A Defence of Nominalism*. Princeton. Princeton University Press.

Fine, K. (2009). The question of ontology. In Chalmers, D. (ed.). *Metametaphysics: New Essays on the Foundations of Ontology*. Oxford University Press. Pp. 157–177.

Goodman, N., Quine, W. V. (1947). Steps Toward a Constructive Nominalism. *The Journal of Symbolic Logic*. Vol.12. No. 4. Pp. 105–122.

Kunne, W. (1983) *Abstrakte Gegenstände: Semantik und Ontologie*. Frankfurt am Main. *Suhrkamp*.

Lewis, D. (1986), *On the Plurality of Worlds*, Oxford: Blackwell.

Linsky, B., Zalta, E. N. (1995). Naturalized Platonism Versus Platonized Naturalism. *The Journal of Philosophy*, Vol. 92, No. 10. Pp. 525–555.

Russell, B. (1959) *The Problems of Philosophy*. Oxford. Oxford University Press.

Szabó, Z. G. (2003). Nominalism. In *Oxford Handbook of Metaphysics*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 11–45.

Taylor, C. C. W. (1969). Forms as causes in the *Phaedo*. *Mind*, Vol. 309. No. 78. Pp. 45–59.

Quine, W. V. O. (1948). On What There Is. *Review of Metaphysics*. Vol. 2. Pp. 21–38.

Yablo, S. (1998). Does Ontology Rest on a Mistake? *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 72. No. 1. Pp. 229–262.

Zalta, E. N. (1983). *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*. Dordrecht. D. Reidel.

ТЕОРИЯ ИГР КАК МЕТОД АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. А. Жеребцова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
eljourn@gmail.com

Теория игр представляет собой математический метод анализа стратегического взаимодействия сторон (в частности выбора оптимальных стратегий поведения) в условиях конфликта интересов [Дегтерев Д. А., Дегтерев А. Х., 2011, с. 79].

Теория игр получила свое развитие после Второй мировой войны. К началу 1950-х гг. сценарии применения данного аналитического метода встречались во многих общественных науках, включая политологию. Международные отношения не стали исключением. Именно в область межгосударственных конфликтов и способов их урегулирования теория игр внесла свой самый ранний и значительный вклад [Zagare, Slantchev, 2010]. На протяжении всей истории своего развития теоретико-игровой метод анализа международных отношений широко применялся зарубежными исследователями, однако в отечественной науке он не был так востребован [Дегтерев Д. А., Дегтерев А. Х., 2011, с. 79].

В исследовании мировой политики теория игр представляет собой формализованный метод анализа отношений между двумя или более участниками на международной арене. Данный метод позволяет теоретикам международных отношений как объяснять взаимодействие сторон-участников (государств, международных организаций, альянсов и коалиции) в соответствии с мотивами и исходами событий, так и прогнозировать принятие тех или иных внешнеполитических решений [Цыганков, 2013]. В международных отношениях теория игр применяют при анализе международных переговоров и военно-политических конфликтов, исполнения международных соглашений, механизмов принятия внешнеполитических решений, а также при изучении вопросов разоружения и контроля вооружения [Дегтярев, 2009]. Классической иллюстрацией применения теории игр в качестве метода анализа межгосударственного взаимодействия считается Карибский кризис 1962 года.

Ф. С. Загаре и Б. Л. Сланчев в работе «Теория игр и другие подходы к моделированию», проследив эволюцию использования данного метода анализа в международных отношениях, полагают, что он тесно связан с концептуальными усовершенствованиями и теоретическими достижениями самой теории игр [Zagare, Slantchev, 2010].

Прежде чем приступить к анализу применения теории игр в международных отношениях, обратимся к теоретико-методологическим основам данного метода. Как отмечает Р. Ауманн, теория игр – это теория рационального поведения людей с несовпадающими интересами [Aumann,

1989]. Под рациональностью понимается выбор индивидами тех действий, которые помогают им максимально реализовать свои предпочтения (максимизация функции полезности) [Сергеев, 2006, с. 90].

Игра представляет собой модель любой ситуации, в которой выборы двух или более действующих лиц, именуемых игроками, взаимосвязаны. Другими словами, результат не зависит исключительно от выбора одного агента [Богатуров, 2002]. Игра имеет ряд установленных правил, определяющих возможные выборы игроков; объем и условия предоставления информации о стратегии другой стороны; результат взаимодействия сторон, к которому приводят выбранные стратегии. Несмотря на тот факт, что на данный момент не существует единой, согласованной классификации игр, в большинстве случаев их систематизируют по следующим основаниям: количество игроков, количество ходов, количество стратегий, характер взаимодействия, характер выигрыша, объем/состояние информации.

Применительно к анализу международных отношений особое внимание уделяется характеру взаимодействия между игроками (или возможности предварительных соглашений). Кооперативные игры (когда игроки заключают соглашение, чтобы увеличить свой выигрыш) представляют интерес для исследователей в части выработки общих международных договоренностей и участия стран в международных организациях. Тогда как теоретики межгосударственных конфликтов анализируют некооперативные игры (когда игроки не имеют права заключать предварительные соглашения, не вступают в коалицию), поскольку в международной системе отсутствует всеобъемлющая власть, обеспечивающая соблюдение обязательств и соглашений [Богатуров, 2002].

К научным исследованиям, разрабатывающим концептуальные основы теории игр, относятся классические труды зарубежных авторов: Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, а также Дж. Нэша [von Neumann, Morgenstern, 1944; Nash, 1950, 1951, 1953]. Игры, которые изучали Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн, в рамках теории определялись как кооперативные, так как предполагали заключение соглашений между игроками. Однако их применение при анализе военно-политической сферы не являлось эффективным. Революционным прорывом в развитии теории игр стали работы Дж. Нэша, который исследовал некооперативные игры с ненулевой суммой и n -м количеством игроков. Он разработал концепцию равновесия, впоследствии названную его именем (равновесие Нэша/Nash Equilibrium), которая позволяла прогнозировать результаты взаимодействия в рамках таких игр.

Ключевым шагом по развитию положений, изложенных Нэшем, стало введение в конце 1960-х гг. Дж. Харшани понятия игры с неполной информацией. Он также разработал концепцию байесовских равновесий [Детярев, 2011]. В отличие от классической теории игр, в которой рассматривают игры с полной информацией (игроки знают предыдущие ходы и ознакомлены с правилами игры), практика международных отношений

зачастую предполагает ситуации, когда информация по вопросам государственной безопасности засекречена. Именно поэтому игры с неполной информацией в контексте международных отношений рассматриваются как наиболее эффективные. Более того, как отмечают исследователи, в играх с нулевой суммой сокрытие информации об очередном ходе выгодно, так как мешает противнику подобрать оптимальную стратегию для ответа, например, противник не должен знать о готовящемся наступлении. Однако в международных отношениях имеют место и ситуации, когда управляемая утечка информации о военном потенциале выступает своего рода сигналом для противника, что помогает избежать его нападения [Дегтярев, 2011].

Еще одной знаковой работой, оказавшей влияние на применение теоретико-игрового метода анализа в международных отношениях, стала «Стратегия конфликта» Т. Шеллинга [Schelling, 1960]. Он первым среди зарубежных исследователей пришел к выводу, что для анализа международного конфликта не подходит модель игры с нулевой суммой.

Применение теоретико-игрового анализа в международных отношениях позволяет оценивать потенциал и вариативность выигрыша каждого участника игры. В настоящее время при анализе мировой ситуации чаще всего обращаются к классическим симметричным играм с ненулевой суммой, а именно: «Дилемма заключенного», «Страховка», «Цыпленок», «Охота на оленя», «Тупик» [Дегтярев, 2011].

На основании анализа применения теорий игр в международных отношениях можно сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на то, что аппарат теории игр дополняется и совершенствуется по мере её эволюции, на данный момент отсутствует единая согласованная классификация игр. Что отчасти может затруднить интерпретацию тех или иных явлений международной жизни при применении данного метода в их анализе.

Во-вторых, несмотря на объективные преимущества данного метода, применение его в международных отношениях тем не менее сопряжено с рядом сложностей практического характера:

- на практике поиск оптимальной стратегии зависит от ряда критериев, а не от одного (выигрыша), как это реализовано в теории;
- не всегда исследователи располагают полной информацией о реальном количестве игроков, об их участии в нескольких играх;
- на принятие внешнеполитических решений могут влиять не только сами лидеры, но и политические элиты, советники и консультанты.

В-третьих, одной из ключевых проблем применения данного метода является выявление приоритетности стратегий противоположных сторон. Речь в данном случае идет не об отсутствии рациональности в поведении государств или иных акторов международных отношений, а о корректной оценке сложившейся ситуации со стороны участников международного процесса. Данное противоречие вступает в силу, когда шкалы ценностей участников не совпадают.

В-четвертых, использование теоретико-игрового подхода при анализе международных отношений способствует переходу к прикладным исследованиям, позволяющим просчитать некоторые параметры мировой политики, как следствие, способствует переходу к использованию более объективных методов анализа.

Литература

Богатуров, А. Д., Косолапов, Н. А., Хрусталева, М. А. (2002). *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М.: НОФМО.

Дегтерев, Д. А. (2009). Зарубежные работы по теории игр. *Международные процессы*. Т. 7. № 2. С. 58–72.

Дегтерев, Д. А. (2011). Теоретико-игровой анализ режимов оказания содействия международному развитию. *Вестник МГИМО-Университета*. № 5. С. 59–66.

Дегтерев, Д. А. (2017). *Теоретико-игровой анализ международных отношений*. М.: Аспект Пресс.

Дегтерев, Д. А., Дегтерев, А. Х. (2011). Теория игр и международные отношения. *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 79–89.

Льюис, Р. Д., Райфа, Г. (1961). *Игры и решения*. М: Издательство иностранной литературы.

Нейман, Дж., Моргенштерн, О. (1970). *Теория игр и экономическое поведение*. М.: Наука.

Сергеев, А. М. (2006). Теория игр и экономические институты. *Журнал экономической теории*. № 1. С. 88–105.

Цыганков, П. А. (2013). Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. № 5. С. 3–23.

Цыганков, П. А., Цыганков, А. П. (1999). Межгосударственное сотрудничество: возможности социологического подхода. *Общественные науки и современность*. № 1. С. 131–142.

Шеллинг, Т. (2007). *Стратегия конфликта*. М.: ИРИСЭН.

Aumann, R. (1989). *Lectures on Game Theory*. San Francisco: Westview Press.

Harsanyi, J. C. (1965). Game Theory and the Analysis of International Conflict. *The Australian Journal of Politics and History*. V. 11. Pp. 292–304.

Harsanyi, J. C., Selten, R. A. (1988). *General Theory of Equilibrium Selection in Games*. Cambridge: The MIT Press.

Ross, D. (2021). Game Theory. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Электронный ресурс] URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/game-theory> (дата обращения: 28.04.2022).

Schelling, T. C. (1963). *The Strategy of Conflict*. Oxford University Press. Cambridge, England.

Zagare, F. C. (2018). Explaining the Long Peace: Why von Neumann (and Schelling) Got It Wrong. *International Studies Review*. V. 20. Pp. 422–437.

Zagare, F. C. (1984). *Game Theory: Concepts and Applications*. Beverly Hills, CA: Sage.

Zagare, F. C. (2019). *Game Theory, Diplomatic History and Security Studies*. First edition. Oxford University Press.

Zagare, F. C., Slantchev, B. L. (2010). Game Theory and Other Modeling Approaches. *International Studies Encyclopedia*. Vol. V, No. IV. Pp. 2591–2610.

Von Neumann, J., & Morgenstern, O. (1944). *Theory of games and economic behavior*. Princeton University Press.

МОЖЕТ ЛИ «Я» НЕ УКАЗЫВАТЬ НА МЕНЯ?

О. А. Козырева

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
olgakozyreva@mail.ru

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-78-00071, <https://rscf.ru/project/22-78-00071/>*

В дискуссии о контекстной зависимости выражений естественного языка отдельное место занимают индексикалы – выражения, чья референция изменяется в зависимости от контекста употребления при неизменном значении, представляемом в виде лингвистического правила, определяющего референт выражения как некоторый объективный параметр контекста. Такое понимание индексикалов характерно для Д. Каплана [Kaplan, 1989, p. 490], который рассматривал их как референциальные выражения, указывающие на объект напрямую, без дескриптивного компонента. Соответственно, пропозиция, которую выражает предложение с индексикалом, является сингулярной пропозицией, а индексикал «загружает» в неё не свойства объекта, а сам объект, на который он указывает, напрямую.

В настоящем исследовании я планирую рассмотреть критику тезиса автоматической референции т. н. «чистых» индексикалов, согласно которому при референциальном использовании они имеют крайне ограниченный выбор возможных объектов референции, фиксированный только лингвистическим правилом. За основу такой критики будет взят вариант Э. Маунт [Mount, 2008], а в качестве эмпирического материала, на котором реализуется эта критика, – высказывания с индексикалом «я»: «я припаркован сзади» (“I am parked out back”) [Nunberg, 1993, pp. 38–42], «я на фиолетовой клетке» (“I am on a purple square”) [Mount, 2008, p. 200], «я на Балтик авеню» (“I am on Baltic Avenue”) [Åkerman, 2015]².

Так, ряд этих и подобных им высказываний традиционно не рассматриваются как контрпримеры тезису автоматической референции и понимаются как случаи метонимии, где происходит перенос предиката с неодушевлённого объекта на говорящего, которому этот объект принадлежит. Говорящий же «наследует» этот предикат вторичным образом [Nunberg, 1993, p. 40], и, соответственно, «я» по-прежнему указывает на того, кто совершает высказывание, и пропозиция, выраженная в высказанном предложении, является сингулярной.

² Последние два высказывания сделаны в контексте игры в «Монополию», и «я» в них указывает не на совершающего высказывание, а на его игральную фишку. В первом высказывании «я» указывает на припаркованный автомобиль совершающего высказывания.

Э. Маунт ставит под вопрос такой подход к указанным высказываниям и приводит аргументы в пользу того, что, даже если бы в них действительно происходил перенос предиката, как предполагает Дж. Нанберг, отрицать, что в них в то же самое время происходит смена референта «я» некорректно, и, следовательно, тезис об автоматической референции является ложным. Сам Дж. Нанберг предлагает три грамматических теста для разграничения ситуации смены референта индексикала и ситуации переноса предиката:

- 1) тест на возможность замены индексикала в единственном числе на индексикал во множественном числе;
- 2) тест на возможность добавить придаточное определительное предложение о неодушевлённом объекте, а не о говорящем;
- 3) тест на возможность замены индексикала на имя собственное или на референциально употребляемую дескрипцию.

Э. Маунт приводит контрпримеры каждому из грамматических тестов Дж. Нанберга и на этом основании полагает, что в указанных высказываниях происходит не столько перенос предиката, сколько смена референта, и, значит, ситуации, когда референция «я» отличается от той, которая должна быть, согласно лингвистическому правилу, возможны.

Я предлагаю иной вариант анализа подобных высказываний с индексикалом «я». Согласно моему подходу, «я» действительно указывает на говорящего (т. е. тезис об автоматической референции, по крайней мере, для рассмотренных примеров соблюдается), однако переноса предиката, который в первую очередь приписывается неодушевлённому объекту, не происходит. Это связано с тем, что говорящий приписывает себе другой предикат – тот, который допустимо применять к нему. Так, в высказывании «я припаркован сзади» предикат обозначает не свойство, принадлежащее автомобилю говорящего, а действие, совершённое говорящим в прошлом, и поэтому «я» в высказывании указывает именно на того, кто это высказывание совершает. Тот факт, что явная структура этого высказывания предполагает, будто мы приписываем свойство «быть припаркованным сзади» человеку, не является аргументом против моей позиции: явная структура не должна обязательно совпадать с глубинной. Таким образом, в этом высказывании нет ни смены референта, ни переноса предиката. В случае высказываний «я на фиолетовой клетке» и «я на Балтик авеню» предикат, который приписывает себе говорящий в этих высказываниях, обозначает действие, совершённое говорящим, а именно – переход на конкретную клетку, где он находится в момент совершения высказывания. В обоих случаях «я» по-прежнему указывает на говорящего, а не на игральную фишку.

Более детально моя критика подходов Дж. Нанберга и Э. Маунт состоит в следующем:

- 1) не все предикаты, которые приписываются неодушевлённому объекту, могут быть вторичным образом перенесены на говорящего. Например, предикат «быть автомобилем, принадлежащим говорящему» не может быть перенесён с автомобиля на говорящего с сохранением истинности

выражаемой пропозиции. Это означает, что Дж. Нанбергу необходим критерий того, перенос каких предикатов возможен, а каких нет. Без наличия такого критерия утверждать, что в конкретном высказывании происходит перенос предиката нельзя;

2) для того чтобы осуществить перенос предиката, о котором пишет Дж. Нанберг, необходимо знать, в каких отношениях находится объект и говорящий (в противном случае мы не сможем применять критерий, о котором говорилось выше). Однако из высказывания «я припаркован сзади» невозможно вывести без дополнительной (экстралингвистической) информации, какие отношения имеются между автомобилем и говорящим: я могу быть владельцем автомобиля, я могу взять его в аренду, я могу помогать парковать автомобиль своему другу и т. д.;

3) попытка включить интенции говорящего (как это делает Э. Маунт) в число факторов, влияющих на референцию индексикалов, ведёт к размыванию значения последних. Это чревато сложностями для семантической теории, которая должна быть построена так, чтобы в ней предполагалось а) объяснение способности агентов понимать бесконечное количество новых предложений (продуктивность) и предложения с близкими структурными свойствами (систематичность), б) разграничение на правильное и неправильное использование языковых выражений (нормативность) [Borg, 2012, p. 514].

Литература

Åkerman, J. (2015). Indexicals and Reference-Shifting: Towards a Pragmatic Approach. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 95. No. 1. Pp. 117–152.

Borg, E. (2012). Semantics without pragmatics? In Allan, K., Jaszczolt, K. M. (eds.). *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Cambridge. Cambridge University Press. Pp. 513–528.

Kaplan, D. (1989). Demonstratives. In Almog, J., Perry, J., Wettstein, H. (eds.). *Themes from Kaplan*. Oxford. Oxford University Press. Pp. 481–563.

Mount, A. (2008). The Impurity of “Pure” Indexicals. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. Vol. 138. No. 2. Pp. 193–209.

Nunberg, G. (1993). Indexicality and Deixis. *Linguistics and Philosophy*. Vol. 16. No. 1. Pp. 1–43.

ИСТИННОСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОСТАВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПУСТЫМИ ОПРЕДЕЛЁННЫМИ ДЕСКРИПЦИЯМИ

А. Н. Коновалов

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
k-dmf@mail.ru

Основная трудность, встающая на пути анализа высказываний, содержащих определённые дескрипции, это определение условий истинности высказываний в случае наличия в них пустых определённых дескрипций, т. е. таких дескрипций, которым не соответствует никакой объект из существующих. Например, предложенное Б. Расселом высказывание «Нынешний король Франции лыс» содержит пустую определённую дескрипцию «нынешний король Франции», которой ни один из объектов в мире не соответствует, т. к. современная Франция – республика [Russel, 1905; Ludlow, 2021].

Есть два наиболее распространённых подхода к решению данной задачи. Первый подход принадлежит самому Б. Расселу, который считает субъект-предикатные высказывания с пустыми определёнными дескрипциями ложными. По Расселу высказывание с дескрипцией всегда экзистенциальное, т. е. оно всегда утверждает существование (а в случае определённых дескрипций также и единственность) объекта, подпадающего под данную дескрипцию. Данный подход известен как теория дескрипций [Russel, 1905; Ludlow, 2021].

Второй подход принадлежит П. Стросону, считающему что у подобных высказываний отсутствует истинностное значение и на самом деле существование и единственность объекта только лишь предполагаются самим высказыванием, содержащим определённую дескрипцию этого объекта, но не следуют из него. Другими словами экзистенциальное утверждение о денотате определённой дескрипции есть пресуппозиция высказывания, содержащего эту дескрипцию, а не часть самого высказывания. Таким образом, Стросон допускает существование в естественном языке высказываний без истинностного значения или, другими словами, высказываний с неопределённым истинностным значением. По мнению Стросона, такой решение больше соответствует языковой интуиции носителей [Strawson, 1950].

Сторонники обоих лагерей приводили примеры высказываний с определёнными дескрипциями, представляющие трудности для противоположного лагеря. В попытках разрешить некоторые из этих трудностей, возникавшими в связи такими примерами высказываний собственно у стросонианства, его сторонники предложили различать аргументные и предикативные случаи употребления определённых дескрипций [Coppock, Beaver, 2012; Ramachandran, 2008].

Как частный случай высказываний, возможно представляющих трудности для стросонианцев, мы рассматриваем составные высказывания, содержащие пустые определённые дескрипции. Встает вопрос, каковы истинностные значения сложных высказываний, например дизъюнкций, конъюнкций или импликаций, составленных из высказываний, среди которых по крайней мере одно содержит пустую определённую дескрипцию («Нынешний король Франции лыс или дважды два четыре», «Летисия любит короля Испании и короля Португалии», «Если все короли смертны, то нынешний король Франции смертен»). Для расселианцев такие высказывания не представляют особых трудностей, поскольку в соответствии с расселовской теорией дескрипций высказывание с пустой определённой дескрипцией всегда ложно и истинность всего составного высказывания определяется правилами классической логики. В стросонианстве же, где допускается существование высказываний без истинностного значения, этот вопрос ещё не до конца проработан.

Возможны два варианта разрешения проблемы истинностных значений составных высказываний, включающих в себя пустые определённые дескрипции, в рамках стросонианства. Оба пути уже были описаны в литературе, но до сих пор не применялись в контексте проблемы определённых дескрипций. Оба подхода предполагают ввод третьего типа высказываний, а именно высказываний с неопределённым истинностным значением [Вригт, 1986].

При первом подходе, условно нами названным подходом ленивых вычислений по аналогии с вычислительной парадигмой в ряде языков программирования, истинностное значение отрицания, конъюнкции и дизъюнкции определяется по следующим правилам:

1) отрицание высказывания с неопределённым истинностным значением также обладает неопределённым истинностным значением;

2) если в конъюнкции хотя бы один из конъюнктов ложен, то вся конъюнкция ложна, в противном случае если хотя бы один из конъюнктов неопределённый, то и вся конъюнкция неопределённа, но если все конъюнкты истинны, то конъюнкция истинна;

3) если в дизъюнкции хотя бы один из дизъюнктов истинен, то вся дизъюнкция истинна, в противном случае если хотя бы один из дизъюнктов неопределённый, то дизъюнкция неопределённа, но если все дизъюнкты ложны, то дизъюнкция ложна.

Отсюда можно вывести правила для остальных логических связей способом аналогичным тому, что в классической логике. Например, для импликации, если представить её в дизъюнктивной нормальной форме.

Первый подход позволяет сохранить интерпретацию конъюнкции и дизъюнкции как функций минимума и максимума при условии, что неопределённое истинностное значение занимает промежуточное положение между истиной и ложью.

Второй подход, названный нами функциональным, формулируется проще. При втором подходе мы считаем, что любое сложное высказывание, составленное из множества высказываний, среди которых есть хотя бы одно с неопределённым истинностным значением, само является неопределённым. Здесь проводится аналогия между логическими связками и математическими функциями: функция не может быть определена, если хотя бы один из её аргументов неопределён. Хотя этот подход процердурно несомненно проще, он значительно расширяет класс неопределённых высказываний.

Если мы хотим оставаться в рамках стронсонанского решения вопроса пустых определённых дескрипций, нам следует исходить из интуиции носителей естественного языка. Существуют весомые аргументы в пользу подхода ленивых вычислений на основе нескольких сценариев, где носители языка явно рассуждают скорее в духе первого подхода, нежели второго. В частности, таковым является сценарий, где юристам требуется определить, содержит ли некоторое высказывание клевету (что означало бы его ложность), если в этом высказывании идёт речь о несуществующем лице (например, тот же «нынешний король Франции»).

Литература

Вригт, Г. Х. фон. (1986). Логика истины. Рузавина Г. И. и Смирнова В. А. (ред.). *Логико-философские исследования: Избранные труды*. М. Прогресс. С. 555–579.

Coppock, E., Beaver, D. (2012). Weak Uniqueness: The Only Difference Between Definites and Indefinites. *Proceedings of SALT*. 22.

Ludlow, P. (2021). Descriptions. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/descriptions/> (дата обращения: 07.09.2022).

Ramachandran, M. (2008). Descriptions and Presuppositions: Strawson vs. Russell. *South African Journal of Philosophy*. Vol. 27. No. 3. Pp. 242–257, DOI: 10.4314/sajpem.v27i3.31515.

Russell, B. (1905). On Denoting. *Mind*. Vol. 14. No. 56. Pp. 479–493.

Strawson, P. F. (1950). On Referring. *Mind*. Vol. 59. No. 235. Pp. 320–344.

КОРРЕКТНОСТЬ И ПОЛНОТА ПЕРВОПОРЯДКОВОЙ МОДАЛЬНОЙ ЛОГИКИ С λ -ОПЕРАТОРОМ

И. И. Мухаметшина

Томский государственный университет, г. Томск
mukhametshina.indira@gmail.com

Средства стандартной первопорядковой модальной логики не позволяют формализовать прочтения *de re*. Например, предложение

Число планет необходимо больше семи (*)

имеет два прочтения:

1. *de dicto*: Необходимо, что число планет больше 7;

2. *de re*: Число планет таково, что необходимо, что оно больше 7.

Формализация предложения (*) как $\Box (n > 7)$, где n – число планет, \Box – оператор необходимости и $>$ понимается как в арифметике, отражает только прочтение *de dicto*. Для формализации, отражающей прочтение *de re*, требуется язык, обладающий большей выразительной силой. В докладе будет представлен такой язык, семантика для него, табличное построение первопорядковой модальной логики K с λ -оператором и дан метод доказательства корректности и полноты K' относительно изложенной данной семантики.

Язык L

Вокабуляр языка L , на котором строится K , содержит следующие категории терминов: логические связки; модальные операторы; кванторы; предикатные, константные; переменные; λ -оператор; технические символы. Множество термов определяется следующим образом:

1. Любая переменная – терм.

2. Любой константный символ – терм.

Синтаксис языка L имеет следующие особенности в сравнении с языком первопорядковой модальной логики без λ -оператора.

1. Атомарные формулы не могут содержать константы и функциональные термы, т. е. если c – константа, P – предикат, то $P(c)$ не является формулой.

2. Введение λ -оператора расширяет множество правильно построенных формул. Пусть x – переменная, t – терм, Φ – формула; тогда $\langle \lambda x. \Phi \rangle$ – предикатная абстракция, $\langle \lambda x. \Phi \rangle(t)$ – формула.

Такой аппарат позволяет формализовать оба прочтения предложения (*). В предложении (*) можно выделить свойство «быть больше 7». Это свойство формализуется как

$\langle \lambda x. x > 7 \rangle$.

Формула $\langle \lambda x. x > 7 \rangle(n)$ читается « n больше 7». Прочтение *de dicto* будет формализовано как

$\Box \langle \lambda x. x > 7 \rangle(n)$,

а прочтение *de re* как

$(\lambda x. \Box x > 7)(n)$.

Семантика для языка L

Фрейм с переменным доменом (далее «фрейм») – упорядоченная тройка $\langle G, R, D \rangle$, где G – непустое множество возможных миров, R – бинарное отношение на G и D – доменная функция, т. е. функция от миров к непустым множествам. Для любого $\Gamma \in G$, $D(\Gamma)$ – домен Γ .

Домен фрейма $D(F) = \cup\{D(\Gamma) : \Gamma \in G\}$.

Нежёсткой интерпретацией во фрейме $F = \langle G, R, D \rangle$ называется функция I , такая что:

1. Для любого $n \geq 1$, каждому n -местному предикатному символу P и каждому $\Gamma \in G$, I назначает некоторое n -местное отношение на $D(F)$.

2. Каждому константному символу c и каждому $\Gamma \in G$, I назначает некоторый элемент $D(F)$.

Нежёсткая модель с переменным доменом (далее «модель») – упорядоченная четверка $\langle G, R, D, I \rangle$, где $\langle G, R, D \rangle$ – фрейм и I – нежёсткая интерпретация в $\langle G, R, D \rangle$.

Валюация переменных в модели. Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель. Валюация переменных в M – это функция v , назначающая каждой переменной x некоторый элемент $v(x)$ из $D(F)$.

Вариант валюации. Для любых $\Gamma \in G$, переменной x , валюации v и $e \in D(\Gamma)$ валюация v_x^e называется x -вариантом валюации v , если v_x^e и v согласны относительно всех переменных, кроме, возможно, x и $v_x^e(x) = e$.

Денотация терма. Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель и v – валюация в M . Для любого $\Gamma \in G$ и любого терма t , денотат t в Γ обозначается $(v \star I)(t, \Gamma)$ и определяется следующим образом:

1. Если x – переменная, то $(v \star I)(x, \Gamma) = v(x)$;

2. Если c – константный символ, то $(v \star I)(c, \Gamma) = I(c, \Gamma)$;

Нотационная конвенция. Для любой модели $M = \langle G, R, D, I \rangle$, любого $\Gamma \in G$, любой валюации v в M и любой формулы Φ « $M, \Gamma \models_v \Phi$ » означает, что формула Φ истинна в мире Γ модели M при валюации v .

Истинность формулы в некотором мире модели. Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, $\Gamma \in G$, v – валюация переменных в M и Φ – формула. Тогда:

1. Если P – n -местный предикатный символ и x_1, \dots, x_n – переменные, то $M, \Gamma \models_v P(x_1, \dots, x_n) \Leftrightarrow \langle (v)(x_1), \dots, (v)(x_n) \rangle \in I(P, \Gamma)$;

2. $M, \Gamma \models_v \sim \Phi \Leftrightarrow M, \Gamma \not\models_v \Phi$;

3. $M, \Gamma \models_v \Phi \& \Psi \Leftrightarrow M, \Gamma \models_v \Phi \& M, \Gamma \models_v \Psi$;

4. $M, \Gamma \models_v \Phi \vee \Psi \Leftrightarrow M, \Gamma \models_v \Phi \vee M, \Gamma \models_v \Psi$;

5. $M, \Gamma \models_v \Phi \rightarrow \Psi \Leftrightarrow M, \Gamma \models_v \Phi \Rightarrow M, \Gamma \models_v \Psi$;

6. $M, \Gamma \models_v \Box \Phi \Leftrightarrow \forall \Delta (\Delta \in G \& \Gamma R \Delta \Rightarrow M, \Delta \models_v \Phi)$;

7. $M, \Gamma \models_v \Diamond \Phi \Leftrightarrow \exists \Delta (\Delta \in G \& \Gamma R \Delta \& M, \Delta \models_v \Phi)$;

8. $M, \Gamma \models_v \forall x \Phi \Leftrightarrow \forall e (e \in D(\Gamma) \Rightarrow M, \Gamma \models_{v_x^e} \Phi)$;

9. $M, \Gamma \models_v \exists x \Phi \Leftrightarrow \exists e (e \in D(\Gamma) \& M, \Gamma \models_{v_x^e} \Phi)$;

10. $M, \Gamma \models_v \langle \lambda x. \Phi \rangle(t) \Leftrightarrow M, \Gamma \models_{v_x^{(v^* I)(t, \Gamma)}} \Phi$.

Примечание. Кванторы \forall, \exists и связки $\&, \vee$ используются и как объектные, и как метаязыковые символы. \Rightarrow и \Leftrightarrow используются как метаязыковые символы.

Истинность формулы в модели при некоторой валюации переменных. $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель, v – валюация переменных. Формула Φ истинна в модели M при валюации v , если для любого $\Gamma \in G$, $M, \Gamma \models_v \Phi$. Для любой модели M , любой валюации v в M и любой формулы Φ « $M \models_v \Phi$ » означает, что Φ истинна в модели M при валюации v .

Валидность формулы в модели. Пусть $M = \langle G, R, D, I \rangle$ – модель. Формула Φ валидна в M , если Φ истинна в любом мире M при любой валюации переменных в M . Для любой модели M и любой формулы Φ « $M \models \Phi$ » означает, что Φ валидна в модели M .

Правила табличного доказательства К.

В табличных доказательствах (деревьях), используется язык, расширенный относительно языка L использованием помимо бесконечного множества переменных x_1, x_2, \dots (эти переменные далее называются «обычные переменные») переменных и констант с префиксом (конечная последовательность целых положительных чисел) в качестве субскрипта. Они будут называться фундированными параметрами и фундированными константами соответственно. Фундированные параметры записываются, например, так: $p_1, q_{1.2}$. Фундированные константы записываются, например, так: $a_1, b_{1.2}$.

Учитывая эти изменения в языке, в формулах, встречающихся в деревьях, построенных по правилам **К**, могут встречаться фундированные термы, также как и обычные переменные, но они не могут быть связаны кванторами или λ -оператором.

Формула с префиксом – выражение формы $\sigma \Phi$, где σ – префикс, а Φ – формула.

Нотационная конвенция. Для любой формулы Φ , формула Φ' – формула, полученная в результате следующей замены: для любой обычной переменной x , все свободные вхождения переменной x в Φ заменяются вхождениями фундированного параметра x_2 .

Дерево по правилам К для некоторой формулы. Пусть Φ – формула. Дерево по правилам **К** для Φ – дерево, корнем которого является формула с префиксом $1 \sim \Phi'$ и ветви которого образуются по следующим правилам:

1. Правила первопорядковой модальной логики для логических союзов и модальных операторов.

2. Правила **К** для λ -оператора:

а. Для любого константного символа t ,

$$\frac{\sigma(\lambda x. \Phi(x))(t)}{\sigma\Phi(t_\sigma)} \quad \frac{\sigma \sim (\lambda x. \Phi(x))(t)}{\sigma \sim \Phi(t_\sigma)}$$

в. Для любого фундированного параметра или фундированной константы t ,

$$\frac{\sigma(\lambda x. \Phi(x))(t)}{\sigma\Phi(t)} \quad \frac{\sigma \sim (\lambda x. \Phi(x))(t)}{\sigma \sim \Phi(t)}$$

Замкнутая ветвь – ветвь, содержащая $\sigma \Psi$ и $\sigma \sim \Psi$, где Ψ – некоторая формула. Незамкнутая ветвь называется открытой.

Замкнутое дерево – дерево, каждая ветвь которого замкнута.

Доказательство формулы Φ – замкнутое дерево для Φ .

Логика K – множество формул, имеющих доказательство.

Теорема K . Формула Φ называется теоремой логики K , если Φ принадлежит K . Это обозначается « $\vdash_K \Phi$ » означает, что Φ – теорема K .

Корректность и полнота

Логика K называется **корректной** относительно изложенной семантики, если все формулы, являющиеся теоремами K валидны во всех моделях.

Логика K называется **полной** относительно изложенной семантики, если все формулы, валидные во всех моделях, являются теоремами K .

Теорема. Логика K корректна и полна относительно изложенной семантики.

Корректность. Доказательство осуществляется контрапозитивно. Нужно допустить, что формула Φ ложна в некотором мире Γ некоторой модели M , при валюации ν и показать, что в таком случае формула Φ не имеет доказательства.

Полнота. Доказательство осуществляется контрапозитивно. Допустим, что формула Φ не имеет доказательства. Нужно показать, что существует модель, в которой формула Φ не валидна. Для этого нужно определить процедуру систематического построения дерева по правилам K , в результате выполнения которой получалась бы насыщенное дерево (т. е. такое дерево, в котором правила применены везде, где это возможно). Далее, по некоторой незамкнутой ветви данного дерева нужно построить модель и показать, что формула Φ ложна в некотором мире этой модели при некоторой валюации переменных в этой модели.

Литература

Fitting, M., Mendelsohn, R. L. (1998) *First Order Modal Logic*. New York: Springer-Science+Business Media, B.Y.

Проблема агентности в аналитической философии и социальных исследованиях Б. Латура и Г. Хармана

С. Е. Овчинников

г. Новосибирск

Институт философии и права СО РАН

step.ovch@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

Центральный тезис Б. Латура состоит в том, что социальное – это не особый тип объектов, а особый тип связей между объектами: «... Я намереваюсь определить социальное не как отдельную область или особый тип вещей, а лишь как очень своеобразный процесс переустановления связей и пересборки» [Латур, 2014, с. 18]. Хотя сам по себе вопрос о природе объектов не интересует Б. Латура, тем не менее ясно, что в рамках акторно-сетевой теории (АСТ) объектом является все, что так или иначе действует (и лошадь и единорог), что приводит нас к плоской онтологии, в которой объекты полностью редуцированы к своим действиям. Представляется, что это сеть со слишком большими ячейками, которая не позволяет отличать независимо существующие вещи от единорогов, поскольку все они являются агентами действия (акторы, в терминологии Латура) и могут играть свои роли в социальном процессе.

Объектно-ориентированная онтология (ООО) Г. Хармана пытается восполнить этот пробел и ввести различие, по крайней мере, между частями объективной реальности и чувственными объектами: «Хорошая теория должна проводить различия между разными типами объектов. Однако, она должна прийти к этому различию, а не провозглашать его заранее, как это часто происходит в современном априорном разделении на людей, с одной стороны, и все остальное, с другой» [Harman, 2016, p. 4]. Хотя АСТ и ввело в общую практику социальных исследований рассмотрение объектов как, с одной стороны, проводников действия, а с другой, как агентов действия, в ее рамках остается открытым вопрос о том, чем являются объекты вне действия. В ответ на это плоская онтология, защищаемая Г. Харманом, подразумевает, что помимо ассоциаций всегда существует некоторый несводимый к сумме действий остаток, характерный для каждого объекта. Разногласия между АСТ Б. Латура и ООО Г. Хармана заключаются, по большому счету, лишь в том, что именно считать сущностями социального процесса. Объектно-ориентированный подход в целом продолжает идеи акторно-сетевой теории смещая акцент на то как «... моя встреча с пламенем или мое этическое призвание образуют новый самостоятельный объект, а не просто

поверхностное взаимодействие между двумя постоянно разделенными сущностями» [Харман, 2001, с. 105].

Все перечисленные выше идеи так или иначе исходят из недостаточности двух имеющихся подходов к определению объектов, а именно (в терминологии Г. Хармана) к «подрыву» (*undermine*) и «надрыву» (*overmine*). Первый предполагает объяснение через редукцию объекта к составляющим частям, а второй – через описание его функций. Когда мы заменяем объект описанием его функций или составляющих, то упускаем нечто важное, считает Г. Харман. Для Б. Латура все объекты являются агентами и вообще «являются» постольку поскольку обладают агентностью. Для Г. Хармана агенты являются объектами постольку поскольку непрозрачны, как и все остальное в мире. В рамках АСТ специфическая проблема «агентности» (т. е. вопрос о том, как отличить агента от «неагента») вообще не возникает, тогда как ООО «требует внимания к нереляционной глубине вещей вне всяких связей» [Harman, 2016, p. 21]. Тем не менее, на наш взгляд, ООО не дает удовлетворительного ответа на вопрос чем агент отличается от любого объекта и чем социальное действие агента отличается от взаимодействий между объектами.

Рассмотрим подход к проблеме в рамках аналитической философии. Формулировку позаимствуем у Д. Дэвидсона: существует ли способ отличить действие агента от того, что с ним происходит? Обращаясь к анализу языка, можно было бы ожидать, что в дискуссии вокруг того, какие события считать действиями, а какие нет, должна существовать «грамматическая лакмусовая бумажка агентности» [Davidson, 1971, P. 4], т. е. некоторые признаки в описаниях событий, по которым можно однозначно определить данное событие как действие. Но, как показывает Д. Дэвидсон, такой бумажки не существует. Он предлагает рассматривать три категории событий: агент делает нечто интенционально, и результат совпадает с его намерениями; агент делает нечто интенционально, и результат не совпадает с его намерениями; агент делает нечто не интенционально. Событие считается действием агента, если существует хотя бы одно интенциональное описание этого действия, которое, в свою очередь, редуцируется к последовательности событий, в которую агент включен. Действие это лишь некоторое особенное отношение между человеком и событием.

На наш взгляд, для решения проблемы социальной философии, можно предложить дополнительный критерий, а именно: «действие является социальным, если его результат не зависит от интенции агента». Такой критерий позволяет выявить случаи, когда агент действует интенционально и результат действия совпадает с интенцией, но это совпадение случайное («танец дождя» имеет интенцию вызвать дождь и может действительно совпасть с событием дождя). В рамках такого критерия предполагается, что действие признается социальным, когда оно интенционально и когда его интенциональность не связана с действительным результатом действия.

Литература:

Латур, Б. (2014). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Харман, Г. (2001). *Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Davidson, D. (1971). Agency. In *Agent, Action, and Reason*, Binkley, Bronaugh, and Marras (eds.), Toronto: University of Toronto Press.

Harman, G. (2016). *Immaterialism*. Polity Press.

ТЕОРИЯ АБСТРАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ Э. ЗАЛТЫ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ ВЕЩЕЙ

Е. В. Рахманина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

rahmaninaev@gmail.com

Определение идентичности несуществующих объектов – задача, которая неизбежно возникает в случае принятия любой из реалистских трактовок несуществующего. Если конкретные объекты физического мира обладают ограниченным набором свойств, наличие или отсутствие которых мы можем проверить, несуществующие объекты (идеальные, вымышленные или противоречивые, такие как круглый квадрат) гораздо сложнее сравнивать между собой ввиду отсутствия инструментария для подобной операции. Одним из философов, указавших на проблему, был американский философ У. В. О. Куайн. В статье «О том, что есть» он писал: «Пусть, к примеру, в дверях застрял толстый человек, пусть здесь же застрял и лысый. Это один и тот же возможный человек или их двое? Как мы решим? Сколько людей может оказаться в этом дверном проеме? Худых больше, чем толстых. А сколько одинаковых? Или одинаковость делает их одним? Возможно ли, чтобы две вещи были одинаковыми? Или же, как говорят, две вещи не *совпадают*? Или же в конечном счете понятие тождества просто не применимо к неактуализированным возможностям?» [Куайн, 2003, с. 9] Куайн приходит к выводу, что, если, говоря о такого рода вещах, невозможно вынести точное суждение об их тождественности или нетождественности, то элиминативистский подход, согласно которому пустые термины полностью элиминируются как не имеющие референта, является единственно верным. Несмотря на серьезность аргумента Куайна подход американского философа Э. Залты к анализу несуществующего, по моему мнению, помогает решить проблему идентичности, что я постараюсь доказать.

Свою теорию Залта называет теорией абстрактных объектов и определяет как метафизическую, так как, в отличие от физики, которая занимается конкретными объектами, метафизика стремится описать абстрактные объекты. Абстрактные объекты – «это объекты, которые предполагаются нашей научной концептуальной основой» [Zalta, 2004]. Например, когда мы занимаемся естественными науками, мы можем использовать натуральные числа для подсчета или измерения, и натуральное число в таком случае будет абстрактным объектом. Теория абстрактных объектов, таким образом, направлена на систематизацию и аксиоматизацию объектов такого рода.

Рассуждение Залты основано на различии, введенном учеником А. Майнотга Э. Малли, между экземплификацией и кодированием свойств. Более формально – « Fx » (« x экземплифицирует F ») и « xF » (« x кодирует F »). Первый

вид предикации необходим для анализа существующих объектов. Например, когда мы говорим «Джон (реально существующий Джон) счастлив», мы подразумеваем, что «счастлив» является свойством, а «Джон» – *примером* реализации такого свойства. Таким же образом работают и двухместные предикаты: в высказывании «Джон любит Мэри» (Rxy) Джон и Мэри будут являться примерами двухместного свойства «любить». Другой тип предикации, кодирование свойств, используется для описания абстрактных и, в частности, вымышленных объектов. Любому набору свойств соответствует некий объект, который будет кодировать эти свойства. Шерлок Холмс не является примером свойства «быть детективом», так как не является физическим объектом с определенным набором физических свойств, но он может его кодировать, то есть определять его в качестве объекта и позволять отличать от всех других объектов. В естественном языке не происходит разделения на два типа предикации, что порождает двусмысленность, например, когда мы говорим, что видели во сне некий объект, который является монстром (x is F). Поэтому определить, какой тип предикации имеет место в конкретном высказывании, обращая внимание только на использующуюся связку, невозможно. При этом несуществующие объекты также могут экзemplифицировать некоторые свойства, например, объект «Шерлок Холмс» может иллюстрировать свойство «быть вымышленным». Интересно, что «Шерлок Холмс» может одновременно кодировать свойства «быть детективом», так как это свойство принадлежит ему как объекту вымысла, и экзemplифицировать свойство «не быть детективом», так как он не существует в действительности.

Залга также предлагает собственную классификацию объектов, разделяя их на обычные (*ordinary*) и абстрактные (*abstract*). В группу обычных входят объекты, обладающие существованием или возможным, или физическим. Объекты, которые не заключают в себе противоречия, а значит могут экзemplифицировать свойства, которые они кодируют, Залга называет возможными. Физически существующие объекты он называет конкретными. Абстрактные объекты не могут быть конкретными, то есть они по определению не существующие. Свой тезис он выражает с помощью формул:

$$O! =_{df} [\lambda x \Diamond E!x];$$

$$A! =_{df} [\lambda x \neg \Diamond E!x],$$

где «!» – быть существующим, «O» – быть обычным, «A» – быть абстрактным, « λ » – быть таким, что, « $E!x$ » – быть конкретным [2, р. 664].

Также он определяет критерии идентичности для обычных и абстрактных объектов.

Для обычных объектов:

$$x =_E y =_{df} O!x \ \& \ O!y \ \& \ \Box \forall F (Fx \equiv Fy),$$

где « $=_E$ » – идентичность для обычных объектов. Другими словами, объекты x и y являются идентичными, когда x и y – обычные объекты, которые экзemplифицируют одни и те же свойства.

Для абстрактных объектов:

$$x=y =_{df} x=_{Ey} \vee A!x \ \& \ A!y \ \& \ \square \forall F(xF \equiv yF).$$

Определение идентичности для абстрактных объектов входит в более общее определение идентичности ($x=y$), в которое также входит определение идентичности для обычных объектов (до \vee). Другими словами, абстрактные объекты x и y идентичны, когда они кодируют одни и те же свойства [Zalta, 2006, p. 664].

После изложения основных положений теории мы можем перейти к решению проблемы «возможных толстяков». Толстяки в дверном проеме, являясь несуществующими объектами, кодируют свойства «быть толстым» и «стоять в дверном проеме», но не экземплифицируют их. Из этого следует, что, если мы анализируем реальное положение дел, а не вымышленную историю о толстяках, на вопрос о том, сколько в дверном проеме возможных толстяков, мы должны ответить, что в дверном проеме нет никого. Подобным образом мы ответим и на вопрос о сходствах и различиях толстяков. Представляется, что Куайна бы удовлетворил подобный ответ, однако он не является окончательным. Если мы воспримем этот вопрос иначе, а именно как вопрос о том, сколько теоретически толстяков может стоять в дверном проеме, то, поскольку для Залты возможный объект – это объект, обладающий набором непротиворечивых свойств, хоть и являющийся несуществующим, количество возможных толстяков будет равно количеству различных комбинаций непротиворечивых характеристик, которые может кодировать объект.

Таким образом, теория абстрактных объектов представляется довольно удачной для решения проблем, связанных с идентичностью несуществующих объектов. Она позволяет, оставаясь внимательной к естественному языку, не допускать предположения об их реальном существовании в «мире идей». Меняя угол зрения, мы можем анализировать такие объекты исходя из различных контекстов, не допуская при этом их влияния на физический мир, благодаря чему становится возможным вынесение истинностных суждений о несуществующем.

Литература

- Куайн, У. В. О. (2003). *С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков*. Томск. Изд-во Том. ун-та (Библиотека аналитической философии).
- Zalta, E. (2006). Essence and modality. *Mind*, 115 (459). Pp. 659–693.
- Zalta, E. (2004). *The Theory of Abstract Objects*. [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/theory.html> (Дата обращения: 1.10.2022).

ДЖОН ЛОКК И ПРОБЛЕМЫ НАИВНОЙ СЕМАНТИКИ

С. М. Флоридов

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
stepanfloriodov@gmail.com

Одним из направлений исследований в рамках философии языка является изучение «наивной семантики», которая включается в более широкую область «теорий значения». Если обратиться к вводным текстам в это проблемное поле, мы увидим, что «наивная семантика» служит точкой отсчета для рассмотрения современных теорий. В качестве иллюстрации в данных работах выступает позиция, изложенная Дж. Локком в III книге его работы «Опыт о человеческом разумении». «Наивная семантика» так же служит иным названием для «референциальных» теорий значения. Она являет собой *повседневное* представление о значении слов (слова «указывают», слова «выражают» и т. д.), и эти положения составляют необходимую часть нашего мышления, их можно считать набором «интуиций», которые приходится исправлять и корректировать, чтобы не впасть в противоречия и ошибки, при переходе к научному дискурсу.

Обозначенная выше картина языкового значения приводит к некоторым базовым затруднениям. Первая проблема – второстепенная роль языка по отношению к мышлению. Язык при таком подходе несет в себе исключительно коммуникативную роль, а не задает то, как мы мыслим. Другая проблема заключается в трудности трансфера частных идей посредством внешнего инструмента в виде слов и их последующей расшифровки другим человеком. Ещё один вопрос для референциальной теории значения возникает из-за того, что основные элементы нашего языка функционируют в ней по модели имён. Эти трудности обсуждаются Локком в III книге «Опыта» и помогают глубже понять ограничения, с которыми сталкивается данная теория.

Прежде всего важно учесть разделение, которое фиксирует философ – он различает «гражданскую речь» и «философские исследования» [Локк, 1985, с. 543]. Гражданский тип речи отличается тем, что мы «слова принимаем за вещи» – но эта проблема влияет и на философский метод. Чтобы снять эти противоречия, необходимо выявить, что именно «стоит за словами» [Локк, 1985, с. 55]. Локк пишет, что «употребление слов состоит в том, что они суть чувственные знаки идей, и обозначаемые ими идеи представляют собой их настоящее и непосредственное значение» [Локк, 1985, с. 464]. Так как под идеями Локк понимает восприятия, впечатления, реакции тела, образы, мысли и концепции, становится понятно, что язык обладает огромными выразительными возможностями.

Локк сразу фиксирует несколько ключевых для коммуникации положений – во-первых, идеи, которые стоят за словами, носят частный характер. При первом рассмотрении это создает трудности для общения, что

приводит к скептицизму в отношении возможности взаимопонимания среди людей. Поэтому по Локку в основе коммуникации лежит два допущения: (1) прежде всего в диалоге «предполагают, что идея [...] совершенно тождественна с той, которой дают то же имя понимающие люди данной страны» [Локк, 1985, с. 464]. Второй важный момент (2) заключается в том, что «люди часто предполагают, что их слова обозначают также действительные вещи» [Там же]. Эти два допущения иллюстрирует размышление из II книги опытов, где Локк пишет: «В наших простых идеях не было бы ничего от ложности и в том случае, если бы вследствие различного строения наших органов было бы так определено, что один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в умах нескольких людей различные идеи; [...]». Ведь этого никогда нельзя было бы узнать, потому что ум одного человека не может перейти в тело другого. [...] Тем не менее я весьма склонен думать, что чувственные идеи, вызываемые каким-нибудь предметом в умах различных людей, всего чаще бывают очень близки и неразлично сходны [...] противоположное предположение (если бы его можно было доказать) мало полезно [...]» [Локк, 1985, с. 444].

Один из исследователей работ Локка, Джонатан Беннет, рассматривает этот отрывок, как проявление двух различных аспектов в мысли философа, это одновременно и вопрос о значении и вопрос о восприятиях. И в этом он видит особенность теории Джона Локка, речь идёт о том, что люди пользуются «идеями» для обозначения особого ментального объекта, который работает в нескольких регистрах: (а) придает слову значение, (б) фиксирует чувственное впечатление и (в) состояние говорящего [Bennett, 1971, p. 7].

Следующим пунктом для сопоставления с наивной семантикой является идея «определения». Именно в этом контексте для Локка становится очевидно, что язык содержит в себе неопределяемую компоненту, и такой компонентой становится то, что познается нами через непосредственный контакт любым из доступных для человека чувств – это «простая» идея. «Выпадающим» элементом языковой картины становятся «частицы» (particles). Здесь важным моментом является то, что Локк признает: теория языка, выстроенная вокруг идей, не предполагает того, что выражения, подобные «частицам», обозначают конкретные идеи. Скорее речь идёт о различных актах мышления, которые показывают отношение ума и идей. Такие выражения необходимы нам «для обозначения связи, которую ум устанавливает между идеями или предложениями» [Локк, 1985, с. 529].

Поэтому прежде всего стоит обратить внимание именно на те моменты, где Локк выходит за пределы схемы «наивной семантики» и пытается нащупать причины возникновения некоторых затруднений в использовании языка. Если мы оттолкнемся от его идеи «приватности» и совместим ее с идеей обучения, мы увидим следующее: за частую мы сначала узнаем само слово или его звучание, а уже затем «связываем» его через обучение и повторение с определенным набором идей. Сам этот процесс, приводит нас к необходимости давать определения, чтобы лучше понимать друг друга.

Например, если наша «связка» идей входит в противоречие со «связкой» другого человека, может возникнуть непонимание или даже конфликт, который потребует прояснить, о чем именно мы говорим. Операция «определения» порождает мысль о локализации значения в уме другого человека: с одной стороны, есть общая для нас ситуация (здесь и сейчас) и её различное понимание (обнаруживаемое объективно), отсюда для человека естественным шагом будет поместить это различие в «невидимую» ментальную область и закрепить за словами «смутный» референт. Я предполагаю, что сама склонность к ментализации значения закрепляется на стадии появления сложных понятий, которые можно отнести к тому, что Локк называет «философским» видом речи.

Другой аспект, выявленный Локком, также служит поводом для устойчивой интуиции восприятия языка по модели «именования». Приводя в пример человека, обнаруживающего некоторые выражения языка, которые не поддаются формулировке или попытке прояснить их через другие близкие выражения, Локк приходит к выводу о наличии «неопределяемых» компонентов языка, прояснить которые можно только если ввести какой-то связанный с этим знаком объект. Та же сложность наблюдается и при попытке подвести какой-либо «объект» под те выражения языка, которые все дальше уходят от операции «именования», что видно на примере введения Локком «частиц».

Еще один аспект проблемы, можно назвать «историческим». «Наивная семантика» как часть наших повседневных представлений появляется на определенном этапе научного развития. Как это показано в книге Я. Хакинга, особое внимание к «идеям» обнаруживает себя при переходе от схоластики к раннему Новому времени, когда научные и сложные термины постепенно проникают в повседневную жизнь. Через усложнение труда возникает потребность в обучении и овладении абстрактными терминами. То есть уже на данном этапе мы видим, как усложнение коммуникации и особенности обучения породили те затруднения, которые позднее будут обнаружены в философии языка. Поэтому работа, осуществленная Джоном Локком, представляется важной в двух отношениях. С одной стороны, это историческая значимость его взглядов для развития философии языка, а с другой – как источник методологических наработок для исследования и корректировки наших повседневных интуиций.

Литература

- Локк, Дж. (1985) *Сочинения в 3-х т.*: Том I. М. Мысль, 1985.
Bennett, J. (1971) *Locke, Berkeley, Hume; Central Themes*. Oxford University Press UK.

ВОЗМОЖНОСТЬ ДУАЛИСТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УРОВНЕЙ ОПИСАНИЯ МЕНТАЛЬНОГО

Е. Б. Черезова

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

e.cherezova@g.nsu.ru

Изучение психики, ментальной сферы в целом осуществляется широким спектром академических дисциплин. Единой науки о ментальном у нас нет. Рефлексия такого положения дел естественным образом порождает идею иерархии уровней объяснения. Влияние как на ученых, так и на философов, исследующих природу научного объяснения психики, оказал трехуровневый подход Дэвида Марра, который является *парадигмальным примером* нисходящего анализа [Bermudez, 2005]. Этот подход упорядочивает объяснения в иерархию и разграничивает области компетенции различных дисциплин.

Концепция Марра касается только первичной зрительной обработки, которая разбирает визуальный массив данных на трехмерные объекты, стоящие в определенном пространственном отношении друг к другу [Marr, 1982]. Поэтому она имеет очень ограниченное применение и не претендует на полноту описания процесса зрительного восприятия. Марр выделил три уровня, на которых может быть проанализирована зрительная система, на каждом этапе анализа решаемые проблемы становятся более ограниченными и конкретными. На верхнем вычислительном уровне рассматриваются особенности среды, которые необходимо моделировать организму, и имеющиеся у него ресурсы, что позволяет сформулировать ограничения и функции первичной зрительной обработки. На этом уровне задача анализа состоит в том, чтобы (а) перевести общее описание когнитивного феномена в описание конкретной проблемы обработки информации, и (б) определить ограничения, в рамках которых должно действовать любое решение задачи. Это предметное поле нейропсихологии. На алгоритмическом уровне определяется подробный набор инструкций, которые обеспечат решение задачи. Здесь необходимо указать способ представления входных и выходных данных, который позволит сформулировать алгоритм, т. е. серию вычислительных шагов для их преобразования. Это область экспериментального изучения систем восприятия в психофизике. Основная задача на третьем уровне состоит в том, чтобы найти физическую реализацию этого алгоритма, т. е. идентифицировать структуры и найти механизмы на нейронном уровне. Это уже предметное поле нейрофизиологии и нейроанатомии. Классы поведенческих закономерностей, на уровне психологии здравого смысла, не могут быть выявлены на других уровнях объяснения. Одни поведенческие характеристики объясняются другими поведенческими же характеристиками, психические явления объясняются

через другие психические явления. Это горизонтальный тип объяснения через апелляцию к отдельным предшествующим во времени событиям или состояниям того же объяснительного уровня.

Вертикальный тип объяснения характеризует отношения между различными объяснительными уровнями и обычно апеллирует к более низким уровням. В широком смысле вертикальное объяснение является основанием горизонтальных объяснений. В связи с этим возникает вопрос: является ли горизонтальное объяснение действительно объяснением, или настоящее объяснение должно быть только вертикальным? Может ли горизонтальное объяснение высокого уровня быть элиминированным указанием на вертикальное объяснение в совокупности с горизонтальным объяснением низкого уровня? как психология здравого смысла взаимодействует с данными когнитивистики и нейронауки, т. е. более низкими уровнями объяснительной иерархии?

Один из вариантов решения этой проблемы предложен Э. Дж. Лоу, это дуалистическая модель «Автономного разума» [Lowe, 2006]. Основная идея заключается в том, что причинное объяснение со ссылкой на психические состояния не сводимо к – или не исключается в пользу – причинного объяснения со ссылкой на нейрофизиологические состояния. Важной частью любой хорошей теории сознания по Лоу должна быть попытка показать, что такие объяснения не только не конкурируют друг с другом, но и взаимно поддерживают и дополняют друг друга. Рассмотрим в качестве примера случай преднамеренного и полностью добровольного поднятия руки, например, чтобы привлечь внимание. Собственно телесные причины этого движения при ретроспективном рассмотрении разветвляются в сложный лабиринт предшествующих событий в нервной системе, которые распространены по большим областям моторной коры и нигде не имеют единого фокуса, а причинные цепочки, к которым они принадлежат, кроме того, не имеют четких начал.

И все же, интуитивно, мысленный акт решения переместить руку кажется с интроспективной точки зрения, единичным и единым, не составным событием, которое каким-то образом инициировало действие по поднятию руки.

Непосредственный вопрос, таким образом, заключается в том, можно ли вообще и как согласовать эти два очевидных факта? Не оказывается ли ментальная причина сверхдетерминирующей? Прежде всего, Лоу указывает на то, что акт выбора приписывается человеку, тогда как нервные события приписываются частям тела человека: и человек, и его тело, согласно этой концепции разума, являются отдельными вещами, хотя и неразделимыми. Более того, акт выбора причинно объясняет движение тела иначе, чем то, как это объясняют нейронные события. Разница между двумя видами причинно-следственных объяснений ясно проявляется, когда мы рассматриваем их соответствующие контрфактические последствия. Не похоже, что можно выделить какое-либо нейронное событие или какой-либо набор нейронных

событий, ненаступление которых имело бы точно такие же последствия, как и не наступление решения агента. Скорее, самое большее, что можно сказать, это то, что если бы то или иное нервное событие или набор нервных событий не произошли, движение руки могло бы протекать несколько по-другому – возможно, более резко или быстрее, – а не то, что рука оставалась бы в покое или вместо этого он [агент] двигался бы совершенно по-другому. Но если бы агент не решил поднять свою руку, тогда вообще не было бы движения руки такого рода – рука либо оставалась бы в покое, либо двигалась бы иначе, если бы агент решил вместо этого сделать другое движение. Вот почему ментальные и нервные причины произвольных движений тела должны быть различны при последовательном допущении, что такие движения имеют как ментальные, так и нервные причины. Нейронное объяснение относится к конкретным событиям в нервной и мышечной системе и объясняет, почему рука двигалась определенным образом – с такой-то скоростью и в таком-то направлении в определенное точное время. Напротив, акт выбора объясняет факт, почему движение произошло – потому что незадолго до этого агент решил поднять эту руку. Это решение, конечно, не определяло точную скорость, направление и время движения руки, только то, что движение такого общего рода должно было произойти примерно в это время.

При этом ментальная причинность явно отличается от телесной или физической причинности. Самое главное, ментальная причинность интенциональна, это причинность предполагаемого эффекта определенного рода. Вся физическая причинность «слепа» в том смысле, что физические причины не «направлены» на свои следствия так, как это делают ментальные причины [Lowe, 2006b]. Интенциональная причинность – это причинно-следственная связь фактов, в то время как телесная причинность – это причинно-следственная связь событий. Лоу полагает, что необходимо использовать оба вида причинно-следственных связей, чтобы дать полное объяснение человеческим действиям, и автономная концепция разума, по-видимому, лучше всего подходит для учета этого факта. Но теперь может возникнуть вопрос: как возможно, чтобы ментальные акты принятия решений объясняли что-либо в физической области, если эта область причинно закрыта?

Интенциональная причинность, в соответствии с автономной моделью разума, не нарушает тезис о каузальной замкнутости физического мира, поскольку он не постулирует, что ментальные акты принятия решений или выбора являются событиями, посредничающими между телесными событиями в цепочках причинно-следственных связей, ведущих к чисто физическим эффектам. Он не постулирует, что в цепочках физической причинно-следственной связи существуют «пробелы», которые «заполняются» ментальными событиями [Lowe, 2006b]. При таком подходе интенциональная причинность в автономной модели будет принципиально невидимой с точки зрения когнитивной науки. Физикалисту эта невидимость покажется причиной отвергнуть концепцию преднамеренной причинности как

ложную, потому что «ненаучную». Но более непредубежденным философам это покажется скорее причиной не усматривать подлинного конфликта между объяснением в физических и биологических науках и другим, более гуманистическим способом объяснения наших намеренных действий, ссылающимся на наш выбор или решения и причины, по которым мы их принимаем. Таким образом, интенциональность становится центральным понятием в функционировании человека как агента.

Литература

Bermudez, J. L. (2005). *Philosophy of psychology: a contemporary introduction*. New York, London: Routledge.

Marr, D. (1982). *Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information*. New York: W. H. Freeman and Company.

Lowe, E. J. (2006). Defence of the Autonomous Mind. In *Philosophy of Mind Review*. Vol. 5. No. 3. Pp. 32–40.

Lowe, E. J. (2006b) Non-cartesian substance dualism and the problem of mental causation. *Erkenntnis*. Vol. 65. No. 1. Pp. 5–23. DOI 10.1007/s10670-006-9012-3.